

ЛЕНИН: ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Рассмотрена фигура В.И. Ульянова-Ленина, чью 150-летнюю годовщину со дня рождения мир отмечал в апреле 2020 г. Ставится задача осмысления Русской революции в упразднении ненужной мифологизации ее вождя, а также адекватном научном анализе, когда политический лидер оценивается не с эмоциональной, а с логической точки зрения в условиях исторических реалий. Проблема отношения к Ленину в конце концов выливается в проблему дискретности восприятия в России и странах, входивших в Российскую империю и СССР, собственной истории.

Ключевые слова: Русская революция; революция 1917; Ленин; Гражданская война в России.

В советской историографии из фигуры Владимира Ильича Ульянова-Ленина сделали лубочную картинку в виде иллюстраций к мифу о Ленине – великом вожде пролетарской революции. В иммигрантской литературе и многих зарубежных исследованиях Ленин представлялся в черных и зловещих тонах. «В результате реальный образ и взгляды Ленина искажались, и получалась либо икона русского святого, либо средневековая фреска с изображением дьявола» [1. С. 430]. После снятия идеологических стандартов в конце 1980-х – 1990-е гг. и по сегодняшний день в отечественной историографии доминируют два подхода: все тот же лубочный портрет (с большей или меньшей степенью лакировки) [2–4] и работы, направленные на маркетинговый захват публики, которые сложно в полной мере отнести к исследовательским [5].

В 2002 г. издательство «Молодая Гвардия» решило выпустить биографию Ленина Роберта Пейна в серии «Жизнь замечательных людей», отметив в предисловии к изданию поразительный факт: «...ни в советские, ни в послесоветские времена биографии Ленина в серии ЖЗЛ не было» [6. С. 5]. Причину такого явления редакция обозначила вполне справедливым, на *olitical 1*, обстоятельством: «Долгое время лениниана подразумевала высшую меру издательской ответственности (увы, не только и не столько перед читателями), затем данную тематику, напротив, обуюла лихорадка утрированной безответственности: уж если ваять, то либо в бронзе, либо из экскремента (ничего не поделаешь – особенности национальной историографии в перестроечный период)» [6. С. 5].

Это же обстоятельство послужило причиной издания работы иностранного, а не отечественного автора. «К сказанному выше добавим лишь, что в стране, где левое и правое пока только учатся сосуществовать безболезненно и на благо целого, где Ленин – это, что там ни говори, родное (со знаком минус ли, плюс ли – но в любом случае, родное и очень живое – оттого-то все больше не минусы и плюсы, а только минусы или только плюсы да еще почти всегда вопиюще жирно прописанные), вряд ли в скором времени появится сколько-нибудь объективная биография советского вождя. Остается лишь надеяться и ждать» [6. С. 6]. Нам остается лишь присоединиться к высказанному мнению.

«Книга Р. Пейна – это взгляд на российские события извне, взгляд типично западный. Облик Ленина, каким его рисует автор, в известном смысле хресто-

матиен, но хрестоматиен, если так можно выразиться, на западный манер» [6. С. 6]. Эта хрестоматийность, на наш взгляд, заключается в создании иных от советских легенд о Ленине, но все-таки легенд. «Он постоянно страдал от нервного истощения, – пишет о Ленине английский писатель и историк, – и был подвержен приступам помрачения сознания, и в такие моменты он был словно одержим духом разрушения. Были вещи, которые ему дано было видеть, как ясно-видцу, даже в темноте, но было и много такого, чего он не мог различить и в ярком свете дня. Например, он понимал, что многие институты общественной власти не облегчали, а, наоборот, усугубляли угнетенное положение большинства человечества; он видел их порочность и знал, как легко будет срубить это гнилое дерево» [6. С. 10–11]. Всего лишь другой миф о Ленине, в другом исполнении. «На страницах своей книги, – писал английский историк Роберт Пейн, – я предпринял попытку провести грань между Лениным-легендой и Лениным-человеком, каким он был наяву, живым, одушевленным» [6. С. 11]. Роберт Пейн сделал живого человека... но другого, имеющего ряд фактов биографии В.И. Ленина и обладающего рядом схожих с ним черт.

Через 15 лет в этом же издательстве вышла уже совершенно другая книга – работа Л.А. Данилкина [7]. Правда, это, к сожалению, не научная монография и даже не научно-популярная литература, а публицистика. Выбранный автором стиль изложения, литературная форма, отсутствие ссылочного аппарата, возможности проследить, на основании чьих мнений или воспоминаний автор реконструирует тот или иной сюжет, резко снижают научную ценность работы. Понятно, что жанр диктует многие условия, но работа в этом плане сильно проигрывает, например, в сравнении с книгой о Керенском В. Федюка того же издательства и в той же серии [8]. Но следует отметить правильный вектор – стремление к объективной, всесторонней оценке человека и политического деятеля в его эпохе.

Задача осмысления Русской революции – это, в том числе, задача упразднения ненужной мифологизации. Миф о Ленине как о сверхчеловеке, сакральном существе, божественной или дьявольской сущности, не только будет удалять от понимания обстановки и событий, но и постоянно продуцировать реакцию отторжения, что продолжит создавать все те же непримиримые группы «поклонников» и «проклина-

телей». Вождя Русской революции необходимо рассматривать как политика (с его удачами и неудачами) и как человека – с его гениальными чертами и ошибками, сильными сторонами и слабостями (впрочем, как всех остальных государственных деятелей).

Для того чтобы увидеть настоящего Ленина, необходимо постараться удалить последствия лакокрасочных работ, проводимых уже почти столетие. Снятие «красок», реставрация образа помогут понять те черты политического лидера, которые позволили ему добиться таких успехов, войти в Историю и внести туда на самый высокий пьедестал Русскую революцию.

Один из исследователей личности Ленина Луис Фишер утверждал, что «Ленин мог бы стать профессором экономики, преуспевающим юристом или шахматным чемпионом. В его происхождении, детстве и отрочестве нет ничего, что предвещало бы будущую карьеру революционера...» [9. С. 4].

В семье Ульяновых все дети стали революционерами: младший за старшим. Вряд ли такой «исход» можно считать случайным. Ленин был посредственным игроком в шахматы [10. С. 140–141; 11. С. 211, 231]. Недолгая работа на юридическом поприще показала ошибочность выбранной профессии [10. С. 146–147; 12. С. 18]. Ленин не мог быть профессором экономики: экономические данные и рассуждения требовались ему для обоснования идей о классово-борьбе (как и Марксу), и как следствие – пролетарской революции в России.

Это важно для понимания того стержня, который формировал характер, образ мысли и действий, смысл жизни Владимира Ульянова.

Сохранилась незаконченная автобиография Ленина: здесь только четыре важных факта его жизни, которые он сам считал важными – дата рождения, дата казни брата Александра, дата первого ареста Ленина, дата второго ареста [13. С. 21]. Это самые важные события в его жизни. Если бы эта автобиография писалась после революции, то следующим пунктом, скорее всего, стало бы возвращение в Россию из иммиграции в апреле 1917 г., а за ним – Октябрьский переворот.

Старший брат Александр действительно сыграл огромную роль в жизни Владимира Ульянова. По воспоминаниям родственников, они не были близки, но Владимир всегда подражал старшему брату [10. С. 20, 66, 67, 253, 276, 319, 320]. Казнь Александра потрясла младшего брата и определила его жизненный путь. Это случилось в год окончания гимназии (1887 г.), после чего, поступив в университет, Владимир Ульянов через три месяца был отчислен за участие в студенческих беспорядках [10. С. 20, 23–24, 26, 30, 277; 11. С. 127].

Старший брат в последние годы жизни отошел от народолюбства и считал себя марксистом, выбрал для себя марксизм и Владимир [11. С. 24]. В сущности, Владимир мог справедливо считать, что продолжает дело брата. Такой молодой человек в период искания смысла и дела жизни мог выбрать только что-нибудь Большое и Стоящее, ради чего и жизнь положить не жалко. А что еще могло быть таким же «большим» и

«стоящим», как не дело, за которое отдал жизнь старший брат? Так Революция стала красивой идеей, которая с годами превратилась в смысл жизни.

Он видел в своей жизни и деятельности важную историческую роль. «Нашему поколению удалось выполнить работу, изумительную по своей исторической значительности», – говорил Ленин [11. С. 243]. Противники Ленина отмечали, что «нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию» [10. С. 238]. «Он был весь в революции, в революционной работе и без этой работы чувствовал себя, как рыба, выброшенная на берег». «У меня ничего другого нет, – говорил он. Ничего другого нет» [10. С. 254].

Эти слова Ленина о себе необходимо выделить: «У меня ничего другого нет». На этом должно базироваться понимание характера, мыслей, целеустремленности этого политического деятеля.

Система координат Ленина (моральных, поведенческих, логических) строилась на следующих принципах: «Что есть истина?» – «То, что ведет к революции и к победе рабочего класса». «Что нравственно?» – «То, что ведет к революции». «Кто друг?» – «Тот, кто ведет к революции». «Кто враг?» – «Тот, кто ей мешает». «Что является целью жизни?» – «Революция». «Что выгодно?» – «То, что ведет к революции». И т.д. и т.д. [11. С. 227]. «Для меня всегда была важна практическая цель», – напишет Ленин в 1923 г. [14. С. 374]. И этот принцип, пожалуй, является стержневым в натуре В.И. Ульянова.

Маркс предрекал мировую революцию несколько раз, и каждый раз ошибался. Его надежды связывались в разные периоды с разными странами: Германия, Франция, Испания, «Восток» (как обобщающее понятие и в лице России) – в каждой этой революции «основоположники марксизма» видели пролог мировой пролетарской революции [15. С. 26, 27; 16. С. 191; 17. С. 425; 18. С. 459]. «Однако, – утверждал главный немецкий теоретик и практик марксизма начала XX в. Карл Каутский, – в одном вопросе они (Маркс и Энгельс. – Э.Ш.) ошибались: они видели революцию слишком уж близко» [15. С. 26]. «Манифест совершенно справедливо предсказывал начало немецкой революции, но он заблуждался, когда указывал, что она послужит непосредственным прологом пролетарской революции. Ближе по времени другое предсказание, опубликованное Энгельсом в 1885 г. в предисловии ко второму изданию брошюры Маркса о Кёльнском процессе коммунистов. Он говорит там, что следующее потрясение в Европе “должно скоро наступить (промежутки между европейскими революциями – 1815, 1830, 1848–1852, 1870 – длятся в нашем веке от 15 до 18 лет)”. Это предсказание также не осуществилось и ожидавшаяся в то время революция до сих пор еще так и не произошла» [15. С. 27].

Для революционеров конца XIX – начала XX в., вслед за Марксом, социальная революция мыслилась в качестве дела очень недалекого будущего. Например, Бебель в 1871 г. высказал в германском рейхстаге, что немецкие социал-демократы надеются

ся «осуществить всю свою программу еще до истечения XIX века» [19. С. 94]. Это ключевой момент для психологии революционеров. Человеческая психология (восприятие себя и мира) требует получение результата своей деятельности в обозримом будущем, даже если это пролонгированное обозримое будущее – принцип: «наши дети будут жить хорошо». Они все хотели увидеть результат своей деятельности еще при жизни или сразу после своей героической гибели. Они не могли ждать наступления объективных марксовских условий для наступления социалистической революции и царства справедливости на Земле, они желали ускорить это время любой ценой.

Вокруг Ленина объединялась значительная часть молодого поколения марксистов [11. С. 69]. Во многом этому способствовало то, что Ленин выступал в качестве своеобразного бунта молодых русских марксистов против стариков: Плеханова, Засулич, Аксельрода, Дейча и др. Привлекательность марксизма у этих молодых революционеров вместе с Лениным строилась на том, что «великое учение Маркса» дает ключ к разрешению «проклятых вопросов», и что будущее принадлежит им [11. С. 64, 214].

Русские марксисты называли Ленина сектантом [11. С. 199], считали его неуживчивым, крайне непочтительным к старикам, говорили и писали, что он – человек, не останавливающийся ни перед чем, обнаруживает явно якобинские черты, имеет склонность к бланкизму и т.д. [11. С. 199]. В центре всех обвинений против Ленина стояла его «нетоварищеская резкость», незаслуженные оскорбления и т.д. [11. С. 199]. Ленин был всегда определен и резок в своих суждениях и политических выступлениях [11. С. 205].

Формы, виды и накал, которые приобретали споры с социал-демократами, отражали не только особую форму нетерпимости к инакомыслию, но и абсолютно утилитарный ход с точки зрения политических технологий – отстройку от других партий и лидеров, претендующих на лидерство в левом движении: от деятелей и руководителей II Интернационала, от идеолога российской социал-демократии Плеханова, от соратников, с которыми строилась партия РСДРП, соратников-большевиков, занесенных в разряд изменников – оппортунистов и ревизионистов.

Плеханов критиковал и большевиков, и меньшевиков, и другие отечественные течения марксизма, выставляя себя единственным ортодоксальным марксистом в России [20. С. 185]. Те отвечали ему взаимностью. На критику отхода от марксизма Ленин называл своих оппонентов «оппортунистами» и приводил довод, что они (оппортунисты) переносят «то, что верно по отношению к эпохе возникновения капитализма, на эпоху конца капитализма». Новая эпоха – это не борьба с феодализмом, а борьба пролетариата с капитализмом (сразу же идет у Ленина отсылка к «классикам»: об этом «ясно и определенно говорит «Коммунистический Манифест») [21. С. 39].

Примерно один и тот же стиль поведения был присущ почти всем российским социалистам и марксистам. Меткое описание оставил М. Горький об одном из лидеров российской социал-

демократической партии, крыла «меньшевиков», Федоре Дане:

«Коротенький Федор Дан говорил тоном человека, которому подлинная истина приходится родной дочерью, он ее родил, воспитал и все еще воспитывает. Сам же он, Федор Дан, является совершенным воплощением Карла Маркса, а большевики – недоучки, неприличные ребята, что особенно ясно из их отношения к меньшевикам, среди которых находятся – “все выдающиеся теоретики марксизма”, сказал он» [11. С. 224].

Борьба за звание главных российских марксистов и революционеров – это, кроме личных амбиций и тщеславия, борьба за то, кто сможет собрать, как сказали бы сегодня, «весь левый электорат», тогда – за голоса и поддержку рабочих. Это обусловило ожесточенность борьбы между наиболее близкими платформами и взглядами: меньшевики-эсеры-большевики.

Необходимо понимать, что борьба среди социалистов – это не только борьба за электорат (социальную поддержку), но и за финансовые ресурсы. Поступающие средства для социалистов необходимо было сделать только большевистскими.

Финансирование партии – это всегда тяжелый вопрос, особенно для партий нелегальных или полунелегальных, которые не получают их от государства и не имеют официальных спонсоров и пожертвований на избирательные кампании. И в этом вопросе наиболее жестко сказывался потенциал выживаемости таких партий.

Американский историк Ричард Пайпс писал, что для создания партии профессиональных революционеров Ленину нужны были деньги, «и он добывал их, прибегая к недостойным методам, в том числе к ограблению банков и присвоению чужих наследств» [22. С. 44–45]. Подобные фразы вполне удовлетворяют медийный контент, так как вписываются в ожидаемое восприятие массового сознания, но если вести речь о фактах и научном подходе, то от броских эмоциональных обвинений почти ничего не остается в сухом остатке.

Одним из источников финансирования партий служили взносы капиталистов: либо филантропов, либо рассчитывающих договориться с революционерами и оградить свои предприятия от погромов и постоянных массовых забастовок. Были и поступления от симпатизирующих. Таким самым крупным взносом для большевиков стало так называемое «наследство Шмита»: история, которая поссорила Ленина с Каутским и частью российских левых, принесла большевикам около 190 тыс. руб., или примерно 510 тыс. франков, что по тем временам являлось очень значительной суммой денег [12. С. 31–33, 36–39, 62, 85–95, 98–99, 101–102; 23. С. 160].

Обвинения Ленина в стремлении получить это наследство, используемых грязных методов и т.д., выглядят политически наивными или как озлобленность политических оппонентов. Большевики и меньшевики одинаково боролись за эти средства, и Ленин эту баталию выиграл, несмотря даже на такого политического тяжеловеса, как Каутский (авторитет которого в этот период – 1908–1914 гг. – в европейской социал-демократии был почти непрекаем),

который то ли поддерживал меньшевиков, то ли сам имел виды на данные средства для нужд немецкой социал-демократии.

Следует особо отметить, что доставались средства и от тех, кто не был богат: так, Максим Горький постоянно давал деньги на революцию (из своих гонораров), и брали у него все российские социал-демократы [11. С. 222].

Добывались средства и за счет так называемых эксов – экспроприация средств [24. С. 22]. Конфискуемые средства шли частью на партию, частью на оружие и подготовку восстания, сами боевые организации [24. С. 22]. Эксами славились эсеры и анархисты, для большевиков это были скорее разовые и редкие акции, так как «экспроприации таили в себе неизбежную угрозу морального разложения революционеров и вырождения их деятельности в уголовные преступления» [25. С. 34].

Вот что об эксах писал сам Ленин.

«Вооруженная борьба преследует две различные цели, которые необходимо строго отличать одну от другой; – именно, борьба эта направлена, во-первых, на убийство отдельных лиц, начальников и подчиненных военно-полицейской службы; – во-вторых, на конфискацию денежных средств как у правительства, так и частных лиц. Конфискуемые средства частью идут на партию, частью специально на вооружение и подготовку восстания, частью на содержание лиц, ведущих характеризующую нами борьбу. Крупные экспроприации (кавказская в 200 с лишним тысяч рублей, московская 875 тысяч рублей) шли именно на революционные партии в первую голову, – мелкие экспроприации идут прежде всего, а иногда и всецело на содержание “экспроприаторов”. Широкое развитие и распространение получила эта форма борьбы, несомненно, лишь в 1906 году, т.е. после декабрьского восстания. Обострение политического кризиса до степени вооруженной борьбы и в особенности обострение нужды, голодовки и безработицы в деревнях и в городах играли крупную роль в числе причин, вызвавших описываемую борьбу. Как преимущественную и даже исключительную форму социальной борьбы, эту форму борьбы восприняли босняцкие элементы населения...» [26. С. 3–4].

В истории с наследством Шмита многие авторы популярных и научно-популярных материалов (которые оказывают определенное влияние и на научную литературу) склонны видеть причину ссоры Ленина и Каутского, и почему последний для первого стал ренегатом. Конечно, эта история не могла не повлиять на отношения, но для Ленина линия разлома легла все-таки в изменении подходов немецкой социал-демократии к политической и революционной борьбе (а партия стремительно набирала вес, становясь крупнейшей в немецкой империи). Фактически, Социал-демократическая партия Германии становилась обычной буржуазной партией, что в принципе расходилось со взглядами большинства российских революционеров.

Отношение к немецким социал-демократам хорошо изобразил Максим Горький после посещения Германии: «Пили рейнское вино и пиво; вино было кислое и теплое, пиво хорошее; о русской революции и партии

с.-д. говорили тоже кисло и снисходительно, а о своей, немецкой партии – очень хорошо! Вообще – все было очень самодовольно, и чувствовалось, что даже стулья довольны тем, что их отягощают столь почтенные мякоти вождей» [11. С. 222]. Более того, мировоззренческий раскол ложился и на бытовом уровне. В этом плане показательно воспоминание о визите Горького к Бебелю, где он встречался с Бебелем, Каутским, Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург и другими социал-демократами. Придя в квартиру Бебеля «и увидя там массу подушечек, салфеточек, занавесочек, клеточек с канарейками и прочие атрибуты немецкой мещанской обстановки, Горький сразу обозлился и держал себя по отношению к Бебелю довольно сухо» [11. С. 217].

Первая мировая война принесла настоящий раскол между европейской и российской социал-демократией: с одной стороны, они поделились на стороны воюющих государств, с другой – на тех, кто «проголосовал за войну», поддержав свои правительства (практически вся немецкая социал-демократия, как и французская, и бельгийская, и пр.) и тех, кто выступил против войны и поддержки в ней национальных правительств – небольшая группа социалистов (Циммервальдская группа, Циммервальдская конференция), в которой активное участие принял и Ленин.

Так, десятилетия заявлений об интернационализме рухнули в один момент. Европейская социал-демократия в массе своей, и в первую очередь немецкая, на чаше весов между принципами мирного сосуществования и перехода к социализму через участие в парламентской деятельности и правительствах (ценой была поддержка войны) и революционным переходом (цена – переход на нелегальное положение и отказ от парламентских методов борьбы) выбрали первое. Это решение стало судьбоносным для всей социал-демократии и истории революционных движений, оказало влияние, в том числе, и на противостояние немецких социал-демократов и коммунистов после ноябрьской 1918 г. революции, историю Веймарской республики и прихода к власти Гитлера в 1933 г.

Ленин оказался в меньшинстве и в этот раз, но опять проявил принципиальность и с моральной точки зрения оказался выше почти всех своих оппонентов.

Узнав о Февральской революции, Ленин заспешил в Россию. Он всячески старался организовать свой выезд в Россию любыми путями, которые могли казаться безопасными, даже под другим именем и по другому паспорту [27. С. 405]. «Пораженцев», к которым относились призывающие к поражению собственного правительства большевики, новое правительство также не желало видеть: известные циркулярные телеграммы Милюкова и списки эмигрантов, не подлежащих выпуску в Россию [28. С. 164]. Ленин был уверен, что в случае проезда в Россию через Англию (или иные пути, связанные с государствами Антанты) его арестуют или задержат в стране [27. С. 404]. Проезд через Германию казался единственно возможным. Однако Ленин, понимая, что проезд через территорию воюющего с Россией государства представит его и партию большевиков в очень невыгодном свете, по-

старался обезопаситься от будущих нападков (и как показала история – не напрасно). В письме Арманд он спрашивает: «Нет ли в Женеве дураков для этой цели?» – для того, чтобы попросить у швейцарских и немецких властей вагон для политэмигрантов и пропуск его в Россию [27. С. 406].

О том, что германские власти преследуют вполне определенные и понятные цели, устраивая возвращение группы русских революционеров в Россию, эти революционеры понимали, в свою очередь стараясь использовать эти надежды немецкого генштаба для того, чтобы получить проезд в страну.

Участник событий Николай Суханов писал по этому поводу:

«Каждому понятно, что германские власти, идя в данном случае навстречу интересам русских граждан, преследовали при этом исключительно свои собственные интересы: они, конечно, спекулировали на том, что русские интернационалисты в условиях революции расшатывают устои российского империализма, а затем оторвут Россию от грабителей союзников и толкнут ее на сепаратный мир... Русские интернационалисты-эмигранты отдавали себе полный отчет в настроении германских властей и по достоинству оценивали источник их милости. Они, разумеется, понимали – все без исключения – всю неловкость, все невыгоды проезда через Германию: они знали, что на этом построят свою скверную игру перед лицом темных масс именно те элементы, которые сами своими руками закрыли все иные пути на родину ее “свободным” гражданам». [28. С. 164]

После событий 3–5 июля 1917 г. Временное правительство санкционировало сообщения о том, что большевики получили большие суммы денег от немецкого генерального штаба для подрывной деятельности в России. Большевикам была приписана попытка вооруженного восстания в Петрограде 3–5 июля, которое они совершали на немецкие деньги и по заказу германского генерального штаба. Общественное мнение резко обернулось против большевиков. Троцкий, Коллонтай и ряд других большевиков были арестованы, Ленину и Зиновьеву удалось бежать. Судебное преследование было скоро прекращено, а арестованные выпущены и вернулись к своим делам, однако Ленину пришлось скрываться, опасаясь расправы, вплоть до октябрьского переворота. Однако основная задача этой акции была выполнена – рейтинг большевиков сильно упал, они потеряли поддержку улицы и даже в массовом порядке среди своих традиционных сторонников [29. С. 427; 30. С. 424–426; 31. С. 433–434; 32. С. 422; 33. С. 28; 34. С. 231; 35. С. 407; 36. С. 232–236].

Удар по большевикам был запланирован и носил целенаправленный характер. Уже в момент переезда Ленина начались разговоры о работе Ленина и большевиков на немецкую разведку [34. С. 231]. Кадет В.Д. Набоков признавал, что Временное правительство впускало в страну Ленина из эмиграции, так как не могло ему формально отказать, при этом было уверено, «что самый факт обращения к услугам Германии в такой мере подорвет авторитет Ленина, что его не придется бояться» [37. С. 75]. Этот ход держался в запасе на протяжении апреля–июня, но как только

Ленин и его партия стали представлять реальную угрозу, Керенский запустил его. При этом Керенский постарался списать на большевиков поражения на фронте и внутренние неудачи [38. С. 4].

После событий 3–5 июля 1917 г. в Петрограде Временное правительство организовало следственную комиссию, проводившую в июле–сентябре расследование о сотрудничестве большевиков с Германией, которая допросила около 200 человек, использовала материалы полиции и контрразведки, изъятые у руководителей большевиков документы, но убедительных доказательств такого сотрудничества представить не смогла [39. С. 37–38]. Финансирование большевиков германским генеральным штабом, несмотря на большие усилия различных современных авторов, тоже так и не было доказано, и, к слову сказать, вряд ли будет доказано [40, 41; 42. С. 86–140; 43].

Списывать намеренное исчезновение документов в период СССР неправомерно. Следственная комиссия работала до октябрьского переворота и ничего не нашла, несмотря на сильное желание и необходимость для власти. В сентябре 1917 г. в эту легенду уже мало кто верил в Петрограде. Восстановление доверия к партии и Ленину четко отразилось на электоральном рейтинге: в сентябре–октябре 1917 г. на выборах в Учредительное собрание за партию РСДРП(б) проголосовало 10 млн избирателей [44. С. 270–271, 273, 275; 45. С. 1–24]. Не появились на свет обличительные документы и после Ноябрьской революции 1918 г. в Германии, несмотря на то, что всем правительствам Веймарской республики крайне требовалось показать Компартию Германию и стоящую за ней Москву в максимально неприглядном свете. Не говоря уже о времени правления нацистов, которые в своей пропаганде как на внутреннюю аудиторию, так и на СССР использовали направленный негатив на деятелей Русской революции и первых правительств (национальный состав ЦК большевиков, антигосударственная и антинародная направленность их деятельности и т.д.)

Владимир Ильич Ульянов не походил на созданные к его времени в литературе образы революционеров (от романтических до негативных). Но литература – это вымысел, даже если она максимально приближена к реальности. Ленин не был аскетом, и это предьявляется ему в качестве чего-то постыдного. При этом его некоторая аскетичность выставляется как фанатизм и отражение психологических проблем. Понятно, что о политических лидерах всегда будут мыслить и писать с пристрастием, в том числе любыми способами подогревая читательский интерес, но это должно оставаться за дверью науки.

Ленин не был властолюбцем, в чем его неоднократно обвиняли и каким его пытаются представить в угоду конъюнктуре: власть ему нужна была не для обогащения или удовлетворения потребности повелевать, а для реализации своей программы преобразований.

Ленину ставят в вину пролетарский интернационализм, который шел вразрез с российскими интересами. Но если разобрать классические постулаты Ле-

нина о пролетарском интернационализме, то обращает на себя внимание, что не происходит смены ценностей как таковой, просто национальная идея и предмет национальной гордости смещаются в область революционных достижений. «Мы полны чувства национальной гордости, – писал Ленин в 1914 г. в статье “О национальной гордости великороссов”, – ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм... И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий» [46. С. 107–108]. То есть верх патриотизма – стать передовой державой, а передовой страна может стать, осуществив самый прогрессивный переход в истории – пролетарскую революцию, и построив самый прогрессивный строй. Более того, идеи интернационализма хорошо накладывались на пример передового для многих европейцев, и особенно революционеров, государства – США. Здесь, во-первых, отдельные национальности складывались в новый народ-нацию – американцев, а во-вторых, заимствовались самые передовые технологии и формы. Таким образом, идеи интернационализма вполне сочетаются с национальными идеями и «национальной гордостью».

Тяжелым вопросом для общественного мнения является политика большевиков в отношении церкви. Во-первых, здесь Ленин следовал образцам Великой Французской революции. (Кроме того, следует отметить, что Французский Закон о разделении церкви и государства от 9 декабря 1905 г. считался достижением демократического развития). Во-вторых, Ленин имел за плечами русскую практику: в период кризиса государства и необходимости поиска средств Петр I часть из них нашел у церкви (насильно отобрав), а чтобы власти духовные не вмешивались в дела светской власти и служили государственным интересам, Петр упразднил патриаршество и ввел орган управления Синод (патриаршество было восстановлено 10 ноября по н.ст. 1917 г.).

Церковь являлась серьезной силой идеологического влияния, при этом обладающей огромными материальными ресурсами и последовательно выступавшей против новой власти. Конечно, власть не могла мириться с таким положением (как любая власть в любом государстве), и большевики, вынужденные мириться с опасным противником в годы Гражданской войны, в 1922 г. нанесли удар этому государству в государстве: конфискации обеспечили фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей, которые пошли на решение первоочередных государственных задач [12. С. 517, 521].

Ленина современники и сегодняшние потомки обвиняют в огромном количестве «прегрешений»:

– В том, что он вел борьбу с самодержавием.

– В том, что выступил против Мировой войны и сделал всё, чтобы вывести из неё Россию.

– В том, что заключил Брестский мир.

– В том, что разделил помещичью землю между крестьянами.

– В том, что провёл национализацию промышленности и банков.

– В том, что отказался платить долги прежнего правительства.

– В том, что был готов применить и применил силу для защиты того, чему служил: Революции.

– В том, что решительно подавлял недовольство и сопротивление представителей прежних привилегированных сословий.

– В том, что посмел на белый террор ответить красным террором и подавил Белое движение.

– В том, что признал право наций на самоопределение вплоть до отделения и способствовал развалу страны [47. С. 30].

Самодержавие – это рудиментарная в XX в. политическая система, которая исчезла со всеми революциями в Западной Европе и в России в феврале 1917 г. Самодержавие пало само и без Ленина, и отречение Николая II с облегчением и надеждой восприняли даже немногочисленные сохранившиеся к февралю 1917 г. монархисты. Монархизм однозначно стал невозвратным вчерашним днем, и идеи реставрации почти не находили отклика даже в Белом движении. Более умеренные, нежели большевики, социалисты, меньшевики и эсеры не желали резких перемен и поддерживали «буржуазные правительства» – курс, который на год позднее возьмут немецкие социал-демократы в Веймарской республике, что не дало избежать Гражданской войны в Германии 1918–1923 гг.

Ленин был принципиально против войны, никогда этого не скрывал и уже в «Апрельских тезисах» заявил о мире в программе большевиков. После июня 1917 г. армия на фронтах была уже понятием очень абстрактным, а тыловые части отказывались выдвигаться на фронт вплоть до угроз вооруженного сопротивления и без большевистской агитации. Мир стал требованием «человека с ружьем», которое Временное правительство проигнорировало и тем самым обрело себя.

Одна из претензий, которые предъявляют большевикам потомки – это отказ от войны до победного конца, которая могла бы принести возможность получить Константинополь и проливы (многовековое стремление России) и контрибуцию, которая позволила бы решить финансовые и экономические проблемы. Не вдаваясь в рассуждения о более высокой вероятности того, что союзники не дали бы России больших приобретений, чтобы не усиливать геополитического противника (как случалось в каждой войне России на протяжении XVIII–XIX вв.), следует положить таким спекуляциям конец простым фактом: воевать было просто нечем. Это та проблема, на которой погорело Временное правительство. Массовое дезертирство из армии между февральским и октябрьским переворотами составило около 1 млн человек. Кроме прямого дезертирства – бегства из частей, существовали невозвратившиеся на фронт после лечения раненные и больные, симулянты, делегаты различных

солдатских советов. Кроме того росла категория освобожденных от службы [48. С. 132, 217, 237, 242, 245]. Причем в необратимый и особенно массовый процесс бегство из армии превратилось после неудачного наступления в июне 1917 г., которым Временное правительство собиралось поправить военные и политические дела – еще до того, как большевики начали действительно активную антивоенную пропаганду в армии. Русский эмигрант генерал Н.Н. Головин совершенно верно подметил: «Временное правительство, упорно настаивавшее на продолжении войны до “победного конца”, находилось в трагическом положении. Трагичность положения увеличивалась еще тем, что независимо от нежелания народных масс продолжать войну Временное правительство должно было считаться с исчерпанием людского запаса» [48. С. 132]. Действительно, Россия призвала под ружье за годы I Мировой войны всего более 15 млн человек, что составляло менее 10% всего населения (с Польшей и Финляндией), но самый служилый возраст – 20–29 лет был выбран призывом на 49% (7,6 млн чел.) [49. С. 85–85].

В конце января 1918 г. большевики вынуждены были констатировать, что «армия в данный момент и в ближайшие недели (а вероятно, и в ближайшие месяцы) абсолютно не в состоянии успешно отразить немецкое наступление...» [50. С. 248]. Под угрозой стояла отдача не только Прибалтики, но и Петрограда [50. С. 249]. Ситуация на фронте характеризовалась простым ответом: «Армии нет; немцы наступают по всему фронту» [51. С. 341]. Поезжайте на фронт, говорил Ленин товарищам, которые ратовали за продолжение войны с Германией, – вы увидите, что воевать мы не можем [52. С. 291].

Большевики предприняли шаги в двух направлениях: во-первых, была объявлена демобилизация армии, а вместо нее стала создаваться новая революционная армия. Это позволило сдержать атаки контрреволюции и интервентов, но поворотным в Гражданской войне стал массовый переход крестьян на сторону Красной армии. Повторилось то же, что случилось в ходе гражданской войны во Франции в ходе Великой французской революции: возвращающиеся помещики стали отбирать свои прежние земли, розданные революцией крестьянам, и это заставило крестьянство встать на сторону Революции. Именно поэтому армия, которая не могла воевать с немцами в 1917 г., смогла в конце 1918 г. и переломила ход войны в 1919 г. С приходом к власти большевиков случился такой же поворот событий, как и в 1793 г. с приходом к власти якобинцев, которые смогли мобилизовать население и армию и одержать победы над войсками интервентов и внутренней контрреволюции.

Так что мир в Брест-Литовске – это не вопрос желаний, это проблема суровой действительности. Рассуждать о том, что через полгода Германия капитулировала и требовалось всего лишь дождаться – некорректно: за эти полгода германские войска вполне могли взять не только Украину, но и Петроград, и Москву, оборонять которые было просто некем. Плюс к тому, есть уверенность, что правительства Англии и Франции не дали бы мир правительству большевиков

и вполне могли поставить условия мира Германии в продолжении ее войны с Россией уже при помощи стран Антанты.

Требование земли было вторым главным требованием в России после требования «мира», и медлительность Временного правительства в этом вопросе стоила ему поддержки в деревне и в армии. При этом решение вопроса о земле в России запаздывало уже минимум на столетие. Нерешенность проблемы конфискации помещичьих земель в Немецкой революции 1918 г., например, создавало социальную напряженность в обществе, вело к гражданской войне и популярности левых, националистических и радикальных партий: проблема была решена только с приходом к власти Гитлера [53].

Следует отметить, что именно аграрный вопрос был одним из главных экономических вопросов подавляющего большинства революций. Так было в Великой французской революции [54. С. 309–310], в Русской революции [55. С. 140, 153, 176], в революциях Латинской Америки [56. С. 352, 355; 57. С. 3, 6] и др., и правительства, которые в ходе революций этот вопрос не решали, были обречены.

Что касается экономических моделей развития, то в начале XX в. особый интерес представляла немецкая модель государственного монополизма, которая позволила стране в короткие сроки выбиться в лидирующие государства Европы. Еще в разработке идеи империализма как высшей стадии капитализма (август 1917 г.) Ленин особо уделил внимание государственно-монополистическому капитализму, переход к которому во всех развитых капиталистических странах, по его мнению, ускорила война [58. С. 3]. Немецкую модель такого капитализма, с большой ролью государства в регулировании, выбрал Ленин для послереволюционной России, так как государственно-монополистический капитализм позволял использовать мобилизационную экономику и мог обеспечить быстрый подъем страны [59. С. 32; 60. С. 265–266]. Элементы такого регулирования в России использовались до Первой мировой войны, были усилены в период военного противостояния, а революция завершила переход к крайней форме государственного капитализма и закрепила его в России [59. С. 32; 61. С. 209].

И здесь Ленин шел в русле ведущих мировых тенденций. Так, исследователями подмечено, что «уже в 1913 году капиталистическая экономика быстрыми темпами двигалась к созданию системы крупных корпораций, поддерживаемых, опекаемых и даже до известной степени руководимых правительствами» [47. С. 209]. «В период Первой мировой войны государственное вмешательство в экономическую жизнь достигло нового качественного уровня» [62. С. 263]. Государство брало на себя все больше и больше функций по контролю производства и регулированию трудовых отношений [62. С. 263].

В. Фишер в специальном исследовании, посвященном вопросам экономики и государственного влияния на нее в Европе 1914–1980 гг., пришел к выводу, что в период между двумя мировыми войнами «во многих странах Европы государство осуществля-

ло прямое, массированное вмешательство в повседневную экономическую жизнь; непосредственное воздействие мировых войн ощутили даже те немногие нейтральные регионы, которые они пощадили» [62. С. 263]. Избежали усиления государственного нормирования только Швейцария, Нидерланды и Скандинавские страны [62. С. 283]. Даже в США, в стране с самой либеральной экономикой, в период Великой депрессии правительство предпринимало чрезвычайные меры, многие программы, действовавшие в период Первой мировой войны, получили второе рождение [63. С. 344–345].

Вопрос национализации промышленности и банков на сегодняшний день не является чем-то из ряда вон выходящим для капиталистических стран, в том числе самых развитых, так что Ленина здесь можно признать провидцем и первопроходцем. В равной мере это касается и аннуляции государственных долгов.

Репрессии и террор – неотъемлемая часть всех классических революций. Даже в национально-освободительных революциях (или имеющие близкие черты), где основная борьба идет с иноземными силами, часть собственного населения выступает на стороне этих сил и, безусловно, уничтожается: так было и в Нидерландской, и в Американской, и в Китайской, и во Вьетнамской и многих других революциях. Гражданская война в России была усугублена иностранной интервенцией – прямой сценарий Великой французской революции, в которой собственная контрреволюция и интервенты были изгнаны с территории Франции (а затем начались Наполеоновские войны за пределами революционной Франции), но никто же не ставит в упрек это французским революционерам и не подвергает право революционных правительств на самозащиту. Революционная власть, которая не смогла организовать силовую защиту, быстро сходила с исторической сцены, причем трагедия их гибели вряд ли была меньшей чем та, которая бы произошла в случае их победы. Так произошло с Парижской коммуной, утопленной в крови, с Альенде в Чили, с Испанией, которая с начала XIX в. более столетия не могла подавить контрреволюционные силы, и они неизбежно возвращались после каждой Испанской революции, и все это закончилось кровопролитнейшей Гражданской войной в XX в. и сорокалетним режимом Франко. Контрреволюция считает, что необходимо уничтожить революционеров, революционеры уверены, что требуется уничтожить контрреволюционеров: и те, и другие защищаются.

Развал страны, который приписывают Ленину, начался с весны 1917 г. К октябрю 1917 г. распоряжения центральной власти де факто игнорировались на территориях Прибалтики, Польши, Финляндии, Украины и Закавказья. Развал был необратим, а учитывая, что все эти территории стали обладателями собственных обученных и вооруженных в ходе войны армий, перспективы силового возвращения представлялись провальными. Иной в отличие от царской России принцип национальной политики давно стоял в повестке дня, иначе империи грозила участь Османской и Австро-Венгерской империй. Ленин предложил самый прогрессивный и по сегодняшний день

подход. Благодаря этому подходу как раз Ленину удалось восстановить целостность страны, вернув большую часть утраченных территорий. В данном случае вопросы могут быть к тем государственным деятелям, которые после Ленина не смогли как он диалектически подходить к проблемам и менять отношение к их решению в зависимости от складывающейся обстановки. Ставить Ленину в вину развал государства, который произошел без малого через 70 лет после основания им СССР, – это примерно как обвинять Бисмарка в поражении Германии во Второй мировой войне и разделе страны на ФРГ и ГДР.

В общем, так можно пройти по всем «обвинениям», но проблема в том, что они не несут логической нагрузки и, соответственно, не могут быть логическим путем оспорены. Дело в том, что обвинения в подавляющем своем большинстве несут исключительно эмоциональный характер и, как верно заметил С.Ф. Черняховский, главная претензия к Ленину в том, что он победил [47. С. 30]. Успех прощается значительно реже, чем поражения.

Сквозь строй претензий со стороны оппонентов Ленина, которые никогда не простят ему своих поражений (и речь здесь не только о России, но и о мировом контексте последствий победы Ленина), необходимо понимать, что объективно он стал самым успешным политиком Новейшей истории, и по уровню его воздействия на мировую историю с ним мало кто может сравниться. Именно благодаря фигуре Ленина Русская революция стала тем, чем она стала, заняв место третьей Великой революции в мире по очереди и равной Великой французской по значимости и масштабности. Великая французская революция выступала образцом для революций XIX в. и начала XX в. После Русской революции 1905–1922 гг. именно она стала новым образцом. Кроме того, Русская история после революции дала иной путь модернизации, который стал более импонирующим для революционеров Латинской Америки, Африки и Юго-Восточной Азии.

Проблема отношения в Ленину, в конце концов, выливается в проблему дискретности восприятия в России и странах, входивших в Российскую империю и СССР, собственной истории. Базу под такое восприятие действительно заложил сам Ленин: в смене названия государства и декларации принципиально нового этапа исторического развития, перевернув всю прежнюю историю и понятия. Но для Ленина это было требованием момента: он считал, что такая идеология поможет восстановить государство и порядок и мобилизовать население сначала на вооруженную борьбу, а затем на строительство новой жизни. (И во многом оказался прав.) Однако уже в 1930-е гг. произошел возврат к парадигме преемственности Российской истории (что происходило по прошествии времени после каждой известной революции).

В данном контексте примечателен факт из Английской истории. После реставрации останки Кромвеля (а также Айртона, Брэдшоу и Прайда) были извлечены из гробниц Вестминстерского аб-

батства, повешены, а затем погребены под виселицей [64. С. 127].

Так, англичане вычеркнули с конца XVII в. до XIX в. из своей истории период революции 1640–1660 гг.: «Карл II вступил на престол сейчас же после мученической кончины своего отца. В правительственном издании парламентских статутов, появившемся в начале XIX в., вы не найдете актов гражданской войны, республики и протектората» [65. С. 5]. За событиями 1640–1650 гг. закрепился образ кровавой смуты [65. С. 5, 12]. Однако Кромвель все же был возвращен в английскую историю: с конца XIX в. ему стали ставить памятники по всей Британии, и один из них – перед английским парламентом.

Примечательно, что в определенных негативных оценках Ленин ярко выделяется среди деятелей Нидерландской, Английской, Американской, Фран-

цузской и Мексиканских революций, тогда как в сравнении с подавляющим большинством из них Ленин выгодно отличается с точки зрения вопросов морали, справедливости, «безупречности жизненного пути» (если так вообще можно выразиться) и своих целей. С одной стороны, это говорит о том, что те события, активным участником которых стал В.И. Ульянов, оказали много большее впечатление, чем перечисленные революции. С другой стороны, это вопрос политической культуры и культуры общества в целом. Сакрализация лидера, а затем «свержение с пьедестала» ввиду несоответствия созданным собственным мифам или изначально негативное отношение к любой персоне во главе государства – это черты незрелой политической культуры, которые будут изменяться со взрослением общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 – 1917–1922. М. : Весь мир, 1997. 560 с.
2. Жизнь Владимира Ильича Ленина: вопросы и ответы. 3-е изд. Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2012. 287 с.
3. Ленин, о котором спорят сегодня. М. : Изд-во полит. лит., 1991. 256 с.
4. Майсурия А. Другой Ленин. М. : Вагриус, 2006. 488 с.
5. Трофимов Ж.А. Волгогоновский Ленин (критический анализ книги Д.А. Волгогонова «Ленин»). М., 1997. 97 с.
6. Пейн Р. Ленин. Жизнь и смерть. М. : Молодая гвардия, 2002. 723 с.
7. Данилкин Л.А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М. : Молодая гвардия, 2017. 783 с.
8. Федюк В. Керенский. М. : Молодая гвардия, 2009. 406 с.
9. Фишер Л. Жизнь Ленина : в 2 т. М. : Книжная лавка – РТР, 1997. Т. 1. 480 с.
10. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : в 10 т. М. : Изд-во полит. лит., 1989. Т. 1. 351 с.
11. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : в 10 т. М. : Изд-во полит. лит., 1989. Т. 3. 367 с.
12. Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М. : Политиздат, 2000. 672 с.
13. Ленин В.И. Незаконченная автобиография // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1969. Т. 32. С. 21.
14. Ленин В.И. О кооперации // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1970. Т. 45. С. 369–377.
15. Каутский К. Путь к власти. (Политические очерки о вращении в революцию). М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. 153 с.
16. Маркс К. Письмо Вильгельму Александру Фрэнду, 21 января 1877 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1964. Т. 34. С. 191–192.
17. Маркс К. Революционная Испания // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1958. Т. 10. С. 423–480.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.
19. Богучарский В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М. : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1912. 384 с.
20. Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М. : Терра, 1991. 240 с.
21. Ленин В.И. Положение и задачи социалистического Интернационала // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1969. Т. 26. С. 36–42.
22. Пайпс Р. Коммунизм. М. : Моск. школа полит. исследований, 2002. 201 с.
23. Ирошников М.П., Кулегин А.М. Историография. В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 159–162.
24. Первая боевая организация большевиков. 1905–1907 гг. Статьи, воспоминания и документы / сост. С.М. Познер. М. : Старый большевик, 1934. 304 с.
25. Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М. : РОССПЭН, 1996. 235 с.
26. Ленин В.И. Партизанская война // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1972. Т. 14. С. 1–12.
27. Ленин В.И. Письмо И.Ф. Арманд, 19 марта 1917 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1970. Т. 49. С. 404–406.
28. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : в 10 т. М. : Изд-во полит. лит., 1990. Т. 4. 351 с.
29. Ленин В.И. В опровержение темных слухов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1969. Т. 32. С. 427.
30. Ленин В.И. Дрейфусида // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1969. Т. 32. С. 424–426.
31. Ленин В.И. К вопросу об явке на суд большевистских лидеров // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1969. Т. 32. С. 433–434.
32. Ленин В.И. Новое дело Дрейфуса? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1969. Т. 32. С. 422.
33. Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. 352 с.
34. Сорокин П.А. Бойня : революция 1917 года // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Изд-во полит. лит., 1992. С. 223–244.
35. Троцкий Л.Д. История русской революции : в 2 т. / общ. ред. и вступ. ст. Н. Васецкого. М. : Терра, 1997. Т. 1: Февральская революция. 464 с.
36. Троцкий Л.Д. История русской революции : в 2 т. / общ. ред. и вступ. ст. Н. Васецкого. М. : Терра, 1997. Т. 2: Октябрьская революция, ч. 1. 320 с.
37. Набоков В. Временное правительство // Архив русской революции : в 22 т., изданный И.В. Гессеном. Берлин : Слово, 1921. Т. 1. С. 9–96.
38. Керенский А.Ф. Дело Корнилова. М. : Задруга, 1918. 194 с.
39. Макаренко П.В. Германский фактор в Октябрьской революции 1917 г. // Вопросы истории. 2008. № 5. С. 30–45.
40. Попова С.С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М. : Ладомир, 2010. 620 с.
41. Хальвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М. : Междунар. отношения, 1990. 250 с.
42. Катков Г.М. Февральская революция. М. : Центрполиграф, 2006. 488 с.

43. Соболев Г.Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2009. 476 с.
44. Знаменский О.Н. Всероссийское учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л. : Наука, 1976. 364 с.
45. Ленин В.И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1974. Т. 40. С. 1–24.
46. Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1969. Т. 26. С. 106–110.
47. Черняховский С.Ф. Конструктор будущего // Изборский клуб. 2017. № 4. С. 28–35.
48. Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М. : Вече, 2014. 544 с.
49. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков и др. М. : Вече, 2010. 624 с.
50. Ленин В.И. К истории вопроса о несчастном мире // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1974. Т. 35. С. 243–252.
51. Ленин В.И. Разговор с Московским Советом по прямому проводу 20 февраля 1918 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1974. Т. 35. С. 341.
52. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : в 10 т. М. : Изд-во полит. лит., 1989. Т. 2. 384 с.
53. Шульц Э.Э. «Левый» и «правый» бунт в Германии 1920–1930-х гг.: истоки, ход событий, результаты. Барнаул : Си-пресс, 2014. 149 с.
54. Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М. : Изд-во иностр. лит., 1957. 353 с.
55. Шульц Э.Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М. : ПФОП, 2014. 512 с.
56. Ковалев Е.В. Аграрные реформы в странах Латинской Америки. М. : Наука, 1973. 359 с.
57. Blasier C. Studies of Social Revolution: Origins in Mexico, Bolivia, and Cuba // *Revolution: Critical Concepts in Political Science* / ed. by R.H.T. O'Kane. Taylor & Francis, 2000. Vol. 4. P. 3–34.
58. Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1969. Т. 33. С. 1–120.
59. Грациози А. Война и революция в Европе 1905–1956. М. : РОССПЭН, 2005. 288 с.
60. Шульц Э.Э. Россия и Германия в первой трети XX в.: выбор пути развития // *Среднерусский Вестник общественных наук*. 2014. № 2. С. 264–269.
61. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб. : Алетейя, 1998. 306 с.
62. Фишер В. Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980. М. : ВЛАДОС, 1999. 368 с.
63. Хиггс Р. Кризис и Левиафан: Поворотные моменты роста американского правительства. М. : ИРИСЭН ; Мысль, 2010. 500 с.
64. История Европы. М. : Наука, 1994. Т. 4: Европа Нового времени (XVII–XVIII века). 509 с.
65. Савин А.Н. Лекции по истории английской революции. 2-е изд. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 388 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 июня 2019 г.

Lenin: Problems of Comprehension of Own History

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 159–170.

DOI: 10.17223/15617793/464/19

Eduard E. Shults, Moscow State Regional University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nuap1@yandex.ru

Keywords: Russian Revolution; Revolution of 1917; Lenin; Civil War in Russia.

The article examines the figure of Vladimir Ulyanov-Lenin, whose 150th birthday anniversary was celebrated in April 2020. With all the discrepancy of public opinion on Lenin, this political figure is part of world history: Lenin became one of the most considerable historical persons of the 20th century and had a rather strong impact on the historical process. The author sees the aim of comprehending the Russian Revolution in (1) the abolition of the unnecessary mythologization of its leader, which not only hinders the understanding of his personality, the situation and events of that time, but also will constantly produce a rejection reaction that will continue to create the irreconcilable groups of “admirers” and “haters”; (2) an adequate scientific analysis that will evaluate the political leader logically, not emotionally, in the conditions of historical realities. In the author’s opinion, the problem of the attitude to Lenin eventually becomes the problem of the discontinuity of perception of own history in Russia and in the countries of the former Russian Empire and USSR. It is the problem of political culture and culture of society in general. The problem of attitude to Lenin in many respects is the problem of transferring modern realities and “post factum” evaluations to another historical environment. From scientific positions and public evaluation, it is necessary to understand that Lenin objectively became the most successful politician of the contemporary history. Few historical figures can be compared with him in terms of the impact on world history. It is due to Lenin that the Russian Revolution became what it became: the third great revolution in the world, an equal to the Great French Revolution in importance and scale. The Russian Revolution became a new model of imitation, replacing the French predecessor, gave a different way of modernization, more imposing for the revolutionaries of Latin America, Africa and Southeast Asia. Lenin is strongly distinguished against the background of all leaders of the previous revolutions in terms of morals, justice and goals. The leader’s sacralization, his subsequent ousting (due to his inconsistency with myths people themselves created), or initially negative attitude to a head of the state are features of an undeveloped political culture which will change with the maturing of society.

REFERENCES

1. Shanin, T. (1997) *Revolutsiya kak moment istiny. 1905–1907 – 1917–1922* [Revolution as a moment of truth. 1905–1907 – 1917–1922]. Moscow: Ves’ mir.
2. Kostyagina, V.M. (ed.) (2012) *Zhizn’ Vladimira Il’icha Lenina: voprosy i otvety* [The life of Vladimir Ilyich Lenin: questions and answers]. 3rd ed. Ul’yanovsk: Korporatsiya tekhnologiy proizvodheniya.
3. Volkova, G.S. (ed.) (1991) *Lenin, o kotorom sporyat segodnya* [Lenin, who is being argued about today]. Moscow: Izd-vo polit. lit.
4. Maysuryan, A. (2006) *Drugoy Lenin* [A Different Lenin]. Moscow: Vagrius.
5. Trofimov, Zh.A. (1997) *Volkogonovskiy Lenin (kriticheskii analiz knigi D.A. Volkogonova “Lenin”)* [Volkogonov’s Lenin (a critical analysis of the book “Lenin” by D.A. Volkogonov)]. Moscow: [s.n.].
6. Payne, R. (2002) *Lenin. Zhizn’ i smert’* [Life and death of Lenin]. Translated from English. Moscow: Molodaya gvardiya.
7. Danilkin, L.A. (2017) *Lenin: Pantokrator solnechnykh pylinok* [Lenin: Pantokrator of solar dust particles]. Moscow: Molodaya gvardiya.
8. Fedyuk, V. (2009) *Kerenskiy* [Kerensky]. Moscow: Molodaya gvardiya.
9. Fisher, L. (1997) *Zhizn’ Lenina: v 2 t.* [Lenin’s Life: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Knizhnaya lavka – RTR.

10. Manbekova, S.U. (ed.) (1989) *Vospominaniya o Vladimire Il'iche Lenine: v 10 t.* [Memories of Vladimir Ilyich Lenin: in 10 volumes]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo polit. lit.
11. Butochnikova, S.F. (ed.) (1990) *Vospominaniya o Vladimire Il'iche Lenine: v 10 t.* [Memories of Vladimir Ilyich Lenin: in 10 volumes]. Vol. 3. Moscow: Izd-vo polit. lit.
12. Lenin, V.I. (2000) *Neizvestnye dokumenty. 1891–1922 gg.* [Unknown documents. 1891–1922]. Moscow: Politizdat.
13. Lenin, V.I. (1969) *Nezakonchennaya avtobiografiya* [Unfinished autobiography]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 32. Moscow: Politizdat. p. 21.
14. Lenin, V.I. (1970) O kooperatsii [On cooperation]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 45. Moscow: Politizdat. pp. 369–377.
15. Kautskiy, K. (1959) *Put' k vlasti. (Politicheskie ocherki o vrastanii v revolyutsiyu)* [The Way to Power. (Political essays on plunging into revolution)]. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.
16. Marx, K. (1964) Pis'mo Vil'gel'mu Aleksandru Frendu, 21 yanvarya 1877 [Letter to Wilhelm Alexander Freund, January 21, 1877]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German 2nd ed. Vol. 34. Moscow: Politizdat. pp. 191–192.
17. Marks, K. (1958) *Revolutsionnaya Ispaniya* [Revolutionary Spain]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German 2nd ed. Vol. 10. Moscow: Politizdat. pp. 423–480.
18. Marx, K. & Engels, F. (1955) *Manifest kommunisticheskoy partii* [Communist Manifesto]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Politizdat. pp. 419–459.
19. Bogucharskiy, V.Ya. (1912) *Aktivnoe narodnichestvo semidisyatykh godov* [Active populism of the seventies]. Moscow: Izd-vo M. i S. Sabashnikovoykh.
20. Valentinov, N.V. (1991) *Nasledniki Lenina* [Lenin's heirs]. Moscow: Terra.
21. Lenin, V.I. (1969) *Polozhenie i zadachi sotsialisticheskogo Internatsionala* [The position and tasks of the Socialist International]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 26. Moscow: Politizdat. pp. 36–42.
22. Pipes, R. (2002) *Kommunizm [Communism]*. Translated from English. Moscow: Mosk. shkola polit. issledovaniy.
23. Iroshnikov, M.P. & Kulegin, A.M. (2002) *Istoriografiya. V.I. Lenin. Neizvestnye dokumenty. 1891–1922 gg.* [Historiography. V.I. Lenin. Unknown documents. 1891–1922]. *Voprosy istorii*. 8. pp. 159–162.
24. Pozner, S.M. (1934) *Pervaya boevaya organizatsiya bol'shevikov. 1905–1907 gg. Stat'i, vospominaniya i dokumenty* [The first militant organization of the Bolsheviks. 1905–1907 Articles, memoirs and documents]. Moscow: Staryy bol'shevik.
25. Tyutyukin, S.V. & Shelokhaev, V.V. (1996) *Marksisty i russkaya revolyutsiya* [Marxists and the Russian Revolution]. Moscow: ROSSPEN.
26. Lenin, V.I. (1972) *Partizanskaya voyna* [Partisan war]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 14. Moscow: Politizdat. pp. 1–12.
27. Lenin, V.I. (1970) Pis'mo I.F. Armand, 19 marta 1917 g. [Letter to I.F. Armand, March 19, 1917]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 49. Moscow: Politizdat. pp. 404–406.
28. Stelliferovskaya, E.N. (1990) *Vospominaniya o Vladimire Il'iche Lenine: v 10 t.* [Memories of Vladimir Ilyich Lenin: in 10 volumes]. Vol. 4. Moscow: Izd-vo polit. lit.
29. Lenin, V.I. (1969) *V oproverzhenie temnykh slukhov* [In refutation of dark rumors]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 32. Moscow: Politizdat. p. 427.
30. Lenin, V.I. (1969) *Dreyfusiada*. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 32. Moscow: Politizdat. pp. 424–426.
31. Lenin, V.I. (1969) *K voprosu ob yavke na sud bol'shevistskikh liderov* [On the appearance of the Bolshevik leaders for trial]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 32. Moscow: Politizdat. pp. 433–434.
32. Lenin, V.I. (1969) *Novoe delo Dreyfusa?* [A new Dreyfus case?]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 32. Moscow: Politizdat. p. 422.
33. Reed, J. (1957) *Desyat' dney, kotorye potryasli mir* [Ten days that shook the world]. Translated from English. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.
34. Sorokin, P.A. (1992) *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Moscow: Izd-vo polit. lit. pp. 223–244.
35. Trotskiy, L.D. (1997) *Istoriya russkoy revolyutsii: v 2 t.* [History of the Russian Revolution: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Terra.
36. Trotskiy, L.D. (1997) *Istoriya russkoy revolyutsii: v 2 t.* [History of the Russian Revolution: in 2 volumes]. Vol. 2 (1). Moscow: Terra.
37. Nabokov, V. (1921) *Vremennoe pravitel'stvo* [Provisional Government]. In: *Arkhiv russkoy revolyutsii: v 22 t., izdannyy I.V. Gessenom* [Archive of the Russian Revolution: in 22 volumes, published by I.V. Gessen]. Vol. 1. Berlin: Slovo. pp. 9–96.
38. Kerenskiy, A.F. (1918) *Delo Kornilova* [The Kornilov case]. Moscow: Zadruga.
39. Makarenko, P.V. (2008) *Germanskiy faktor v Okt'yabr'skoy revolyutsii 1917 g.* [The German factor in the October Revolution of 1917]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 30–45.
40. Popova, S.S. (2010) *Mezhdvu dvumya perevorotami. Dokumental'nye svidetel'stva o sobyitiyakh leta 1917 goda v Petrograde (po frantsuzskim i rossiyskim arkhivnym istochnikam)* [Between two coups. Documentary evidence of the events of the summer of 1917 in Petrograd (according to French and Russian archival sources)]. Moscow: Ladomir.
41. Khal'veg, V. (1990) *Vozvrashchenie Lenina v Rossiyu v 1917 godu* [Return of Lenin to Russia in 1917]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
42. Katkov, G.M. (2006) *Fevral'skaya revolyutsiya* [February Revolution]. Moscow: Tsentrpoligraf.
43. Sobolev, G.L. (2009) *Taynyy soyuznik. Russkaya revolyutsiya i Germaniya. 1914–1918* [A secret ally. Russian revolution and Germany. 1914–1918]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
44. Znamenskiy, O.N. (1976) *Vserossiyskoe uchreditel'noe sobranie. Istoriya sozvyva i politicheskogo krusheniya* [All-Russian Constituent Assembly. History of the convocation and of political collapse]. Leningrad: Nauka.
45. Lenin, V.I. (1974) *Vybory v Uchreditel'noe sobranie i diktatura proletariata* [Election to the Constituent Assembly and the Dictatorship of the Proletariat]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 40. Moscow: Politizdat. pp. 1–24.
46. Lenin, V.I. (1969) *O natsional'noy gordosti velikorossov* [On the national pride of the Great Russians]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 26. Moscow: Politizdat. pp. 106–110.
47. Chernyakhovskiy, S.F. (2017) *Konstruktor budushchego* [Designer of the future]. *Izborniy klub*. 4. pp. 28–35.
48. Golovin, N.N. (2014) *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne* [Russia in the First World War]. Moscow: Veche.
49. Krivosheev, G.F. et al. (2010) *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Kniga poter'* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century. Book of losses]. Moscow: Veche.
50. Lenin, V.I. (1974) *K istorii voprosa o neschastnom mire* [On the history of the question of the unfortunate world]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 35. Moscow: Politizdat. pp. 243–252.
51. Lenin, V.I. (1967) *Razgovor s Moskovskim Sovetom po pryamomu provodu 20 fevralya 1918 g.* [Conversation with the Moscow Council on direct line on February 20, 1918]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 35. Moscow: Politizdat. p. 341.
52. Dridzo, V.S. & Manbekova, S.U. (eds) (1989) *Vospominaniya o Vladimire Il'iche Lenine: v 10 t.* [Memories of Vladimir Ilyich Lenin: in 10 volumes]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo polit. lit.
53. Shul'ts, E.E. (2014) *“Levy” i “pravyy” bunt v Germanii 1920–1930-kh gg.: istoki, khod sobyitiy, rezul'taty* [“Left” and “Right” revolts in Germany in the 1920s–1930s: origins, course of events, results]. Barnaul: Si-press.
54. Blok, M. (1957) *Kharakternye cherty frantsuzskoy agrarnoy istorii* [Characteristic features of French agrarian history]. Moscow: Izd-vo inostr. lit.

55. Shul'ts, E.E. (2014) *Tekhnologii bunta. (Tekhnologii upravleniya radikal'nymi formami sotsial'nogo protesta v politicheskom kontekste)* [Riot technologies. (Technologies for managing radical forms of social protest in a political context)]. Moscow: PFOP.
56. Kovalev, E.V. (1973) *Agrarnye reformy v stranakh Latinskoj Ameriki* [Agrarian reforms in Latin America]. Moscow: Nauka.
57. Blasier, C. (2000) Studies of Social Revolution: Origins in Mexico, Bolivia, and Cuba. In: O'Kane, R.H.T. (ed.) *Revolution: Critical Concepts in Political Science*. Vol. 4. Taylor & Francis. pp. 3–34.
58. Lenin, V.I. (1969) Gosudarstvo i revolyutsiya. Uchenie marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revolyutsii [State and revolution. The doctrine of Marxism about the state and the tasks of the proletariat in the revolution]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 33. Moscow: Politizdat. pp. 1–120.
59. Graziosi, A. (2005) *Voyna i revolyutsiya v Evrope 1905–1956* [War and Revolution in Europe 1905–1956]. Translated from Italian. Moscow: ROSSPEN.
60. Shul'ts, E.E. (2014) Rossiya i Germaniya v pervoy treti XX v.: vybor puti razvitiya [Russia and Germany in the first third of the 20th century: the choice of the development path]. *Srednerusskiy Vestnik obshchestvennykh nauk*. 2. pp. 264–269.
61. Hobsbawm, E. (1998) *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nations and Nationalism after 1780]. Translated from English. Saint Petersburg: Aleteyya.
62. Fischer, W. (1999) *Evropa: ekonomika, obshchestvo i gosudarstvo. 1914–1980* [Economy, society and state in Europe. 1914–1980]. Translated from German. Moscow: VLADOS.
63. Higgs, P. (2010) *Krizis i Leviatan: Povоротnye momenty rosta amerikanskogo pravitel'stva* [Crisis and Leviathan: Critical Episodes in the Growth of American Government]. Translated from English. Moscow: IRISEN; Mysl'.
64. Barg, M.A. (ed.) (1994) *Istoriya Evropy* [History of Europe]. In 8 volumes. Vol. 4. Moscow: Nauka.
65. Savin, A.N. (1937) *Leksii po istorii angliyskoj revolyutsii* [Lectures on the history of the English Revolution]. 2nd ed. Moscow: Gos. sots.-ekon. izd-vo.

Received: 24 June 2019